

Алла Лукинова
Москва (Россия)

«Лучшие цветы немецкой поэзии на русской почве»:
бледный список или поэтический взлет?
(К проблеме эволюции творчества А.А. Фета)

Исторические связи русской и западноевропейской культур очень интенсивно развивались в XIX веке, начиная с деятельности русских поэтов круга В.А. Жуковского и В.Л. Пушкина, занимавшихся переводами и поэтическими переложениями произведений английских, немецких и французских поэтов и знакомивших с ними русскую публику. Важную роль в развитии культурных связей сыграла деятельность А.С. Пушкина и близких к нему поэтов, пытавшихся понять особенности культуры народов Европы и сделать их достоянием русского читателя. В этой связи отметим особую роль знакомства образованных людей в России с поэзией Адама Мицкевича.

В середине XIX века особенно велик интерес русской интеллигенции к философии и поэзии Германии и русско-немецкое культурное взаимодействие достигает своего расцвета. А.А. Фет, воспитанник Московского университета и частного пансиона в г. Верро (ныне Эстония), директором и учителями которого были замечательные немецкие педагоги, с детства владевший немецким языком, которому его обучила мать-немка, оказывается в центре культурных интересов эпохи. Важную роль в формировании его поэтических взглядов сыграл факт знакомства с немецким языком и поэзией в раннем детстве, до обучения чтению и письму на русском языке. Однако стихотворений на немецком языке Фет не писал никогда, и первые детские стихотворения он, еще не умевший писать, рассказал матери по-русски.

Первые выступления А.А. Фета в журналах в 1841 г. связаны с публикацией переводов стихотворений Г. Гейне на русский язык. А.А. Фет переводил стихотворения Гейне всю жизнь и восхищался его поэзией. В воспоминаниях Фета находим записи о том, что никто из поэтов не овладевал им так сильно, как Гейне. Однако знаменате-

лен ответ И.С. Тургенева в письме Фету, датированном февралём-апрелем 1855 года: «Что вы мне пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его» [Фет 1982, 404].

Современники А.А. Фета отмечали переклички его стихотворений с произведениями Г. Гейне. «Критика 40-50-х гг. настойчиво сближает Фета с Гейне. Многие критики считают Фета подражателем Гейне», – отмечает Б.Я. Бухштаб [Фет 1937, 21]. В комментарии к стихотворению А.А. Фета 1843 года «Ах, дитя, к тебе привязан...», где речь идет о приснившейся возлюбленной, Б.Я. Бухштаб пишет о том, что «по мнению рецензента «Москвитянина» (1850, ч. II, отд. IV), стихотворение более принадлежит Гейне, нежели господину Фету» [Фет 1937, 713].

Однако в поэзии Г. Гейне нет произведения, полностью сходного с упомянутым стихотворением Фета своим сюжетом, мотивом, поэтическим строем, даже лирическим чувством, хотя один из циклов его стихотворений посвящен сновиденьям.

Но в этом цикле на первый план выходит тема противодействия счастью человека, а не тема любви и сияющий образ возлюбленной, обещающий любовь, как у Фета. Кроме того, у Фета нет произведений, посвящённых страшным снам, видениям или предчувствиям, а стихотворения Г. Гейне из цикла *Сновиденья* полны описаний ужасных снов со множеством страшных потусторонних видений. В поэзии Фета, напротив, сны отрадны, в них умершие люди предстают в расцвете жизненных сил, а спящий испытывает блаженство, так как продолжается жизнь и любовь. Так и в стихотворении «Ах, дитя, к тебе привязан...» запечатлён один типичный для его поэзии сон:

Нынче ты, моя малютка,
Снилась мне в короне звездной [Фет 1937, 171].

Звёзды в произведениях Гейне, подобно фетовским, символизируют светлое начало мира, но не являются свидетельством или порукой установления гармонии – а именно такова роль звёзд, постепенно определившаяся в поэтической системе Фета (особенно явно эта мысль передана в стихотворениях „Молчали листья, звезды рдели и Молятся звезды...“). В раннем стихотворении „Я долго стоял неподвижно...“ (1843) герой удивляется, впервые заметив, что «меж теми звездами и мною какая-то связь родилась» [Фет 1988, 112], а через пятьдесят лет в одном из последних произведений, „Угасшим звездам...“ (1891), утверждает, что «выше и краше вас ничего нет во храмине ночи» [Фет 1988, 54], признавая звёзды, символизирующие

мир красоты и духовности, высшей ценностью, которой посвящена его поэзия:

Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд, буду призраком вдоха!

Стихотворение „Ах, дитя, к тебе привязан...” бессюжетно, в отличие от наполненных рассказом о борьбе со всем злом мира в образе сказочных персонажей и имеющих трагический, сказочный или просто исполненный угрозы и несчастья сюжет произведений Гейне. Оно в полной мере принадлежит поэтическому миру Фета, в первую очередь из-за обращения только к одному моменту сна, подобному запечатленной фотографии. Настроение восторженного приятия красоты, сближение образа человека с образом звезды и соединение в одном сияющем видении двух светлых начал мира тоже характерно именно для поэзии Фета.

В стихотворении Гейне „Себе я сам предстал в виденье сонном...” из цикла *Сновиденья*, являющегося частью *Юношеских страданий* (1817-1821), находим выражение «звёзды счастья», действительно перекочевавшее в поэзию Фета.

В стихотворении Фета 1854 года „Ты расточительна на милые слова...”:

Я тоже жду: я жду, нельзя ли превозмочь
Твоей холодности, подметить миг участья,
Чтобы в глазах твоих, загадочных, как ночь,
Затрепетали звёзды счастья [Фет 1988, 177].

Сюжетное сходство стихотворений только самое общее: оба они о трудной любви. Различаются ситуации любовных отношений: у Гейне герою снится измена любимой и её свадьба с другим, её слёзы, выдающие любовь к покинутому. У Фета любимая боится дать волю любви и встретить суровость:

...И втайне думаешь: причудлива, черства
Душа суровая поэта.

Концовки обоих произведений – о победе любви, однако разные: у Гейне любимая показывает свои чувства, и герой остаётся с сознанием счастья, несмотря на ложь. В стихотворении Фета звучит надежда на счастье и уверенность в нём.

Всё это говорит об общем для обоих поэтов стремлении передать тонкие нюансы человеческого чувства, используя для этого поэтику

ассоциативного слова. Но значение сочетания «звёзды счастья» различно: у Гейне «звёзды счастья» – это сами «сладостные очи» любимой, у Фета – это огонёк любви в её глазах как выражение ответного чувства, едва зажегшегося в глубинах души и сразу «подмеченного» поэтом. Так в раннем произведении проявляется один из законов его творчества: изображение зарождающихся чувств, «получувств», по выражению Ап. Григорьева.

Стихотворение „Мой ангел, мы в лодке сидели...” из цикла *Лирические интермеццо* (1822-1823 г.г.) Г. Гейне сюжетно перекликается со стихотворением А.А. Фета „Над озером лебедь в тростник потянул...” 1854 года: оба они о вечернем плаванье на лодке с возлюбленной, в обоих важен образ звёзд. Но у Фета на первый план выступает самоценная природа во всей конкретности, масштабности и великолепии деталей: лебедь, тростник, отражение леса в воде, зубцы вершин, то есть, видимо, еловый лес, закат, который краснел меж деревьев вдали, а в описании наступления ночи использован импрессионистический приём, то есть дана только одна яркая деталь: «Уж начали звёзды мелькать в облаках». Характерна для поэзии Фета восторженная концовка стихотворения.

Пейзаж Г. Гейне обобщённый, лишённый детализации с самого начала, облик ночи здесь передаётся знаками и символами, такими, как «звезды», «сумрак», «мгла».

Центральная строфа стихотворения Гейне – о прекрасном «утёсе привидений», наполненном музыкой и «лёгкими тенями». Думается, именно этот образ можно воспринимать как символический образ нездешнего счастья, рождённый воображением субъекта. В поэзии Фета нет ничего даже отдалённо напоминающего эту картину.

Концовка стихотворения Г. Гейне пессимистична, исполнена романтическим чувством обречённости, что тоже чуждо поэтической системе Фета.

Преобладающая лирическая тональность стихотворений Фета – радость, восторг, стихотворений Гейне – грусть, слёзы.

В *Лирических интермеццо* Гейне иногда находим параллельные состояния человека и природы, иногда контрастные, как в стихотворении „Мой ангел, мы в лодке сидели...” У Фета иное: характерно вживание в природу, слияние человека с природой.

Например, общее можно найти в концовке стихотворений Гейне „О нет! Я жду желанных слов...” и Фета *Alter ego*, посвященного любви, продолжающейся после смерти.

Но сюжеты стихотворений различаются и совершенно разная их сверхзадача. У Гейне речь идёт о начинающейся жизни, и герой стихотворения обращается к живой возлюбленной, перед ней он разворачивает перспективу их судьбы – жизни вдвоём – и ждёт ответа, который зависит от её каприза. Стихотворение Фета – трагический итог жизни, которую судьба, а не женщина по своей прихоти лишила счастливой взаимной любви, и одновременно это признание могущества человека в его чувствах, вызов мирозданию:

У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя различить [Фет 1988, 35].

Ещё одну перекличку можно заметить в сходстве основного поворота лирической мысли стихотворений Г. Гейне „Ангел мой, я жду ответа...” и Фета „Кому венец: богине ль красоты иль в зеркале её изображенью?”. 1866 г., „Как богат я в безумных стихах!”. 1887 г., „Как трудно повторять живую красоту...” 1888 г. Общей является мысль о том, что поэт – чародей, он может передать всё, кроме красоты любимой женщины.

Различие состоит в том, что образ любимой у Гейне статичен и его не передать стихами, – преувеличение, возвышающее красоту. У Фета иной взгляд и иная мысль – и это отражает основную особенность его поэзии, иной принцип изображения любого предмета: мир бесконечно изменчив, текуч, а цель поэта – уловить и запечатлеть его мгновения. Поэтому и колебания *живой красоты* неуловимы более всего в мире.

В 1850-е гг. расширяются возможности изображения природных явлений в поэзии Фета. Необычайный размах и оригинальность получают метафоры, возникающие вследствие визуального наблюдения над сиюминутной ситуацией в постоянно изменяющемся мире, и природные явления предстают в неожиданных, не встречавшихся до сих пор в поэзии ракурсах. Так, в уже упоминавшемся стихотворении „Над озером лебедь в тростник потянул...” лес показан опрокинутым в воде и изогнувшимся между небом и водой:

Над озером лебедь в тростник протянул,
В воде опрокинулся лес,
Зубцами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес. 1854 [Фет 1988, 216].

По мнению одного из крупнейших исследователей творчества А.А. Фета Б.Я. Бухштаба

внешний мир здесь <...> изображается субъективно, в том виде, какой ему придало настроение поэта. Не сделано никакой поправки на законы отражения (*изгибаясь*) и перспективы (*в заре потонул*) [Фет 1937, 23].

Думается, напротив, настроение поэта возникло под влиянием визуально воспринятого вида леса, сохранявшегося в природе, возможно, несколько мгновений.

Стихотворение уникально созданием атмосферы общего движения, которому подчинено все в мире: полет лебедя, одушевление изгибающегося леса, приближение ночи, бег лодки, течение реки, изображение которого подчеркнуто сравнением со змеем и сопоставлением с сонным озером («блестя чешуей, вдоль сонного озера быстро река бежала, как змей золотой») и, главное, – движение чувств человека.

Появление звезд – характерная черта поэзии Фета, где без звезд прелесть мира неполна, и в то же время – это знак, указывающий на движение времени и на переломный момент душевного состояния героя:

Уж начали звезды мелькать в небесах...
Не помню, как бросил весло,
Не помню, что пестрый нашептывал флаг,
Куда нас потоком несло!

Слово «поток» в лирической концовке этого стихотворения употреблено в прямом смысле – течение реки – и стоит в ряду реалистических деталей: «весло», «флаг». Но имеется в виду и общий поток всех жизненных впечатлений этого вечера, и поток чувств, захвативших героев. В значении этого слова нет элемента романтической мистики. Прямое значение слова у Фета оказывается шире метафорического, и метафорическое значение тонет, растворяется в нём.

Первоначальное название стихотворения *На озере*, данное при первой публикации (в т. 45 журнала «Современник» за 1855 г.), а главное, мысль о влиянии состояния природы на чувства человека сближает его с одноименным произведением Гете. Однако сам факт появления образа отраженного в воде во время половодья весеннего леса придает произведению национальную окраску, а особый, импрессионистический в своей основе способ изображения леса и реки,

и появление метафорических смыслов из фотографически точного запечатления текучей жизни природы, несут черты индивидуальной поэтики А.А. Фета. Влияние какой-либо поэтической или философской системы, в частности, Артура Шопенгауэра, ощущение родства с ними всегда заставляет Фета воспринять какую-либо ее особенность, однако полностью переосмыслив. Так произошло, например, со звёздными образами в поэзии Гейне и с сюжетом стихотворения Гете *На озере*.

Однако важно отметить, что существует перевод Фета на русский язык стихотворения Гете *На озере*, в котором очень точно переданы особенности его ритмической структуры, связанные с замыслом автора. Американская исследовательница творчества Фета Э. Кленин склонна считать, что перевод этого стихотворения Гете, выполненный Фетом, – лучший из существующих, а влияние Гете на поэзию А.А. Фета значительно масштабнее, чем влияние Гейне, и касается не отдельных образов и мотивов, а основополагающих элементов поэтического мировоззрения Фета: идеи связи природы и чувств человека и научности передачи картины мира в его поэзии, «his poetic celebration of science» [Klenin 2002, 195]. Но это утверждение нуждается в специальном исследовании.

В результате культурного взаимодействия и открытости культуре другого народа русская поэзия XIX века обогатилась новыми темами, идеями и образами. Но если учесть, что русские поэты XX века, в частности А.А. Блок, считали А.А. Фета своим учителем и предшественником, то русско-немецкое культурное взаимодействие представляется феноменом истории культуры, весьма достойным примером для подражания последующими поколениями.

Библиографический список

1. Фет А.А., *Мои воспоминания. 1848-1889. Ч. 1-2*, Москва 1890.
2. Фет А.А., *Полное собрание стихотворений*, Ленинград 1937.
3. Фет А.А., *Сочинения в двух томах*, Москва 1982, т. 2.
4. Фет А.А., *Стихотворения, поэмы*, Москва 1988.
5. Klenin E., *The poetics by Afanasy Fet*, Keln, Veimar, Viena 2002.

STRESZCZENIE

**„Najpiękniejsze kwiaty niemieckiej poezji na gruncie rosyjskim”:
Skromna lista czy wzlot poetycki?
(z problemów ewolucji twórczości A. A. Feta)**

W artykule omówiono najważniejsze aspekty wpływu twórczości poetów niemieckich: J. W. Goethego i H. Heinego na poezję A. A. Feta, która powstawała w Rosji na styku kultur, w sytuacji otwarcia społeczeństwa rosyjskiego na zachodnioeuropejską, w szczególności niemiecką kulturę XVIII i XIX wieku. W centrum zainteresowań autorki znalazła się specyfika poetyckiej formy wierszy niemieckich, przekazujących ideę powiązań przyrody i ludzkich emocji, co znalazło artystyczną kontynuację w wierszach A. Feta z różnych okresów twórczości, związanych nie tylko z rozwojem jego osobowości poetyckiej, lecz także z rosyjskimi źródłami jego liryki.